
В. И. ЖЕКУЛИНА

Н. Е. ОНЧУКОВ
ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА

С именем Николая Евгеньевича Ончукова (1872—1942)¹ связана одна из удивительных страниц в истории нашей фольклористики — открытие в 1901—1902 гг. печорского очага былевого песнетворчества и живых носителей былинной традиции, в памяти которых хранились сотни былинных стихов. Сенсация заключалась в том, что к этому времени Русский Север — Олонецкий край, Пинега, Мезень, Терский берег Белого моря — был известен фольклористам, а былинный репертуар этих мест опубликован в собраниях П. Н. Рыбникова (1861—1867), А. Ф. Гильфердинга (1873), А. В. Маркова (1901). В 1899—1901 гг. записал былины и исторические песни в Архангельской губернии А. Д. Григорьев. Казалось бы, весь сюжетный состав русского эпоса к началу XX в. был уже известен, однако в репертуаре прекрасных печорских былинщиков оказались редкие и даже не встречавшиеся до того тексты: «Змея и Настасья», «Бутман», «Данила Ловчанин», «Лука» и другие.

В 1904 г. в свет вышел сборник Н. Е. Ончукова «Печорские былины» как итог его собирательства на Печоре, а Русское географическое общество вручило ему награду — малую золотую медаль, приняв его действительным членом общества. С начала 1900-х гг. длится его творческая связь с Географическим обществом, по заданию которого он совершил шесть экспедиций в разные районы Русского Севера: 1900 г. — в Чердынский уезд Пермской губернии, 1901 г. — на Низовую Печору, 1902 г. — на Печору и Мезень, 1903 г. — в Поморье, 1904 г. — в Олонецкую губернию (Пудожский, Петрозаводский, Повенецкий, Каргопольский уезды) и Поморье, 1907 г. — в Архангельский и Онежский уезды Архангельской губернии. Фольклорного материала, записанного в этих и других экспедициях, хватило не на одну публикацию: в печати появляются очерки, статьи, дневниковые записи,² а в различные архивы страны поступает обширный фольклорный материал, часть которого до сих пор ждет выхода в свет.³

¹ Подробнее о жизни и творчестве Н. Е. Ончукова см.: *Иванова Т. Г.* Н. Е. Ончуков и судьба его научного наследия // *Русская литература.* 1982. № 4. С. 126—137; *Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Подг. В. Еремينا и В. Жекулина.* М., 1996.

² *Ончуков Н. Е.* 1) По Чердынскому уезду // *ЖС.* 1901. Вып. 1; 2) О расколе на Низовой Печоре // Там же. 1901. Вып. 3/4; 3) Былинная поэзия на Печоре // Там же. 1902. Вып. 3/4; 4) Печорские былины // *ИОРЯС.* СПб., 1902. Т. 7, кн. 3; 5) Новые былины из записей на Печоре // Там же. 1903. Т. 8, кн. 3; 6) Старина и старообрядцы // *ЖС.* 1905. Вып. 3/4; 7) Печорская старина // *ИОРЯС.* СПб., 1905. Т. 10, кн. 2/3. В 1907 г. публикация «Печорской старины» продолжается в журнале «Живая старина».

³ Фольклорные материалы, собранные Н. Е. Ончуковым, его статьи, очерки, деловая и дружеская переписка хранятся в РГАЛИ в Москве (ф. 1366, 1549), в Отделе рукописей РГБ в Москве (ф. 369), в Государственном литературном музее (ГЛМ) в Москве (ф. 612), в Архиве РГО в Санкт-Петербурге (Разряд 1, 25, 29 и др.), в рукописном отделе БАН в Петербурге (ф. 47), в Архиве РЭМ в Петербурге (ф. 1. Оп. 2. Ед. хр. 441), в Государственном архиве Пермской области (Ф. Р. 180. Оп. 2. Д. 246). Письма Н. Е. Ончукова к современникам хранятся в основном в РГАЛИ (ф. 167, 459, 461, 1235, 1366 и др.). Некоторый фольклорный и творческий материал хранится в архивах Перми, Иркутска, Сарпула, Пензы.

1908 г. стал годом еще одного события в культурной жизни России — из печати вышел большой сборник Н. Е. Ончукова «Северные сказки» (37 печатных листов). Это была первая научная публикация русских сказок после двадцатилетнего перерыва в издании этого жанра. В состав сборника вошли сказки, записанные самим собирателем, а также А. А. Шахматовым, М. М. Пришвиным и учителем Д. Георгиевским в селе Муромле Олонецкой губернии (№ 149—165 сборника).

Еще в 1904 г. после выхода в свет сборника «Печорские былины» в газете «Санкт-Петербургские ведомости» № 132 появился отклик на это событие: «...давно у нас поблекли и развеяли краски наивного сказочного творчества, но вот находятся места, где все это живет в первобытной свежести. Нужна только любовь к старине и зоркий глаз, чтобы найти эту притаившуюся и запуганную древнеславянскую жизнь. Н. Е. Ончуков нашел ее на Низовой Печоре... Для специалистов — исследователей и искренних любителей старины — книга г. Ончукова является немалым приобретением». Слова эти полностью относятся и к сборнику «Северные сказки», за который Н. Е. Ончуков был награжден большой золотой медалью Русского географического общества.

В 1911 г. вышел в свет еще один сборник Н. Е. Ончукова — «Северные народные драмы», в составе которого было 10 народных пьес, дотоле неизвестных фольклористам.

В предреволюционный период (1901—1917) Н. Е. Ончуков получил огромный заряд творческой энергии и проявил себя как неутомимый собиратель, фольклорист, этнограф, талантливый журналист, исследователь и публикатор. Он, единственный из фольклористов, стал обладателем трех наград Русского географического общества: серебряной медали за результаты комплексной экспедиции в Чердынский край Пермской губернии в 1900 г., малой золотой медали за сборник «Печорские былины» и большой золотой медали за сборник «Северные сказки». Первый петербургский десятилетний период жизни ученого закончился в 1908 г. Жизненные обстоятельства вынудили Н. Е. Ончукова вернуться на родину, в город Сарапул Вятской губернии, а в ходе Гражданской войны он оказался сначала в Иркутске, а затем в Перми (1918—1924). Эти годы были заполнены активной общественной работой, которая не оставляла времени для собирательства. И только летом 1923 г. Н. Е. Ончуков, тогда преподаватель на кафедре русского языка педагогического факультета Пермского университета, побывал во второй своей экспедиции в Чердынский край с целью приобретения предметов народного быта для Московской сельскохозяйственной выставки. Очерк-отчет о поездке, опубликованный в «Пермском краеведческом сборнике» в 1924 г., содержит лишь этнографический материал. Фольклор в этой экспедиции Н. Е. Ончуков не записывал.

Второй петербургский период жизни ученого начинается в декабре 1924 г. и длится около 10 лет. Пожалуй, эти годы были самыми счастливыми в жизни собирателя народного творчества и самыми насыщенными любимым делом: он входит в состав секции «Живая старина» Научно-исследовательского института сравнительного изучения литературы и языков Запада и Востока и становится ее секретарем; преподает фольклор на факультете языкознания и материальной культуры Ленинградского государственного университета; избирается действительным членом и ученым секретарем Ленинградского отделения Общества изучения Урала, Сибири и Дальнего Востока; тесно сотрудничает со Сказочной комиссией РГО, по заданию которой в 1926 г. совершает экспедицию в Тавдинский край (Тюменский уезд Тобольской губернии); избирается почетным членом Общества изучения Чердынского края; работает в картографическом отделе Библиотеки Академии наук (по 1930 г.); принимает в 1928 г. участие в экспедиции по комплексному изучению одной деревни (село Шокшозеро Лодейнопольского уезда Олонецкой губернии); тесно общается с известными этнографами, фольклористами, лингвистами, историками, востоковедами: С. Ф. Ольденбургом, В. М. Жирмунским, Л. В. Щербой, Л. Я. Штернбергом, П. К. Симони, Е. Ф. Карским, В. И. Чернышовым, А. И. Никифоровым и многими другими учеными. И пишет, пишет, пишет! Одна за другой выходят из печати статьи, заметки, рецензии, обзоры, фольклорные публикации,

подготовлены к печати два сказочных сборника — «Тавдинские сказки» и «Лодейнопольские сказки».⁴

Тридцатые годы, особенно предвоенный период, стали поворотными в жизни Н. Е. Ончукова и других ученых: усилилась цензура, участились случаи запрета публикации научных работ, начались аресты ученых, нелояльных, по мнению властей, к советской власти, ссылки и лишения гражданских прав. Вместе со многими учеными был арестован и сослан в город Никольск Вологодской области и Н. Е. Ончуков, и лишь вмешательство Горького позволило ему вернуться в Ленинград, откуда он был выслан в Пензу.⁵

Пензенский период жизни ученого (1934—1942) был тяжелым и в житейском, и в моральном отношениях: лишение гражданских прав, запрет на публикацию трудов, которые оседали в разных архивах и редакциях, отсутствие работы, а значит, и средств к существованию, согласие на любой случайный заработок, — через все эти унижения пришлось пройти талантливому ученому, за плечами которого были десятки работ по русской народной культуре и пять уникальных сборников.

В архиве сохранилась переписка Н. Е. Ончукова с директором Московского государственного литературного музея В. Д. Бонч-Бруевичем, для которого он собирал пензенский материал о русских писателях и сектантстве и составлял карточки по сектантству и расколу. В каждом письме он почти умоляет: «...посылаю Вам 248 заполненных карточек по расколу-сектантству. Да еще за посланные Вам 170 карт(очек) 41 руб. 80 коп., которые и прошу прислать... Пожалуйста, пришлите побольше карточек по расколу-сектантству».⁶

Тяжелые жизненные обстоятельства не сломили, однако, ученого, он по-прежнему интересуется событиями в мире науки о фольклоре, сам находит время для серьезной исследовательской работы, завершив статью о расколе — «Верования наших дней»; с возмущением отзывается о намерении А. Н. Толстого издать свод обработанных сказок. Он пишет по этому поводу: «Затея А. Толстого печатать облитературные сказки меня удивляет и огорчает. До сих пор все инструкции по собирательству фольклора (бр(атьев) Соколовых, Азадовского, моя и др(угие)) учили: как можно точнее делать запись фольклора. Виноградов и мн(огие) др(угие) ставили в вину знаменитому Афанасьеву его незначительные поправки в „Русск(их) народн(ых) сказках“, а Сахарова жестоко казнили за его переделки, подделки и выдумки. Теперь сравнительно порядочно записанные сказки А. Толстой будет намеренно облитературировать?! Я еще понимаю — убрать из издания для широкой публики местный говор, но дальше — не понимаю».⁷

Он пишет в эти годы статьи и очерки: о сектантстве в Иркутской области, о творчестве Салтыкова Щедрина, о романах Боборыкина и Мельникова, заметку о Льве Толстом и др. Ни одна из его статей не была опубликована, даже такие, как «Фольклор о Пушкине» и «Как работал Пушкин». В письме к Бонч-Бруевичу он пишет по поводу статьи «Фольклор о Пушкине»: «Если бы Вы дали обещание, что она пойдет в № 8 „Звеньев“, я бы мог прислать ее Вам. В газету эту статью отдавать жалко: совершенно оригинальный и свежий материал. До сих пор много раз писали о фольклоре у Пушкина, и никто не коснулся фольклора о Пушкине самом».⁸

Лишь изредка на страницах местной газеты «Рабочая Пенза», с которой Н. Е. Ончуков сотрудничал, появлялись его заметки: «Некрасов и современность»

⁴ Подробнее об этом см.: Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Сост. В. И. Еремина и В. И. Жекулина. М., 2000. Приложение 4: Основные даты жизни и творчества Н. Е. Ончукова. С. 473—476 (подготовлено В. И. Жекулиной).

⁵ См. подробнее: *Иванова Т. Г.* 1) Русская фольклористика начала XX века в биографических очерках: Е. В. Аничков, А. В. Марков, Б. М. и Ю. М. Соколовы, А. Д. Григорьев, В. Н. Андерсон, Д. К. Зеленин, Н. Е. Ончуков, О. Э. Озаровская. СПб., 1993. С. 168—186; 2) Новые материалы к биографии Н. Е. Ончукова // *Russian Studies: Ежеквартальник русской филологии и культуры.* 1996 (1998). Т. 2, № 4. С. 242—251.

⁶ РГБ. Ф. 369. Колл. 312. Ед. хр. 13. Л. 2.

⁷ Там же. Л. 27 об.

⁸ Там же. Л. 5 об.

(6 декабря 1936 г.), «Бова Королевич и Бова Пушкина» (8 января 1937 г.). Это были последние публикации ученого, так как именно в эти годы в Пензе, как и во всей России, начались репрессии. Газета «Рабочая Пенза» была закрыта, многие сотрудники и корреспонденты газеты уволены или арестованы. Среди обвиненных во вредительстве оказался и Н. Е. Ончуков. В 1939 г. он был арестован, осужден на 10 лет лишения свободы и в 1942 г. скончался в лагере под Пензой.

* * *

Предлагаемая читателям небольшая по объему неопубликованная заметка «Изучение фольклора»⁹ предположительно была написана Ончуковым в 1926 г. Основанием для такой датировки может быть упоминание о выборе его секретарем секции «Живая старина». Читаем: «...*прошлой осенью* образовалась особая секция „Живой старины“». Год образования секции — 1925.

Конец 1920-х гг. — период начавшихся притеснений ученых, скудного финансирования, запрета на издание некоторых научных трудов. Возникла странная ситуация, в частности в фольклористике. С одной стороны, творческий порыв ученых, собирателей и исследователей, экспедиции и обработка собранного материала, создание сборников и статей по фольклору, с другой — пренебрежительное отношение чиновников к тому, чем занимаются и чем живут ученые. Н. Е. Ончуков перечисляет подготовленные к публикации сборники, которые «за совершенным отсутствием средств комиссия не может печатать». К этому перечню можно добавить и два сборника самого ученого — «Тавдинские сказки» и «Лодейнопольские сказки», так и не вышедшие в свет при жизни собирателя.

Сравнивая постановку дела с изучением, хранением и собиранием фольклора в нашей стране и за рубежом, Ончуков замечает: «В РСФСР нет ни одного — стыдно сказать — фольклористического журнала. (...) Русское географическое общество — в параличе, за отсутствием средств».

Думается, что слова эти не остались незамеченными теми, кому положено было следить за настроением общества. Через несколько лет русский патриот будет объявлен врагом советской власти.

Публикация этой заметки Н. Е. Ончукова — дань памяти русскому ученому, так много сделавшему для национальной культуры России.¹⁰

⁹ РГАЛИ. Ф. 1366. Оп. 1. Ед. хр. 14 (машинопись, 4 листа с авторской правкой чернилами; без даты).

¹⁰ Это пятая публикация неизвестных архивных материалов Н. Е. Ончукова. Опубликовано: 1) Заветные сказки из собрания Н. Е. Ончукова / Подгот. В. Еремина и В. Жекулина. М., 1996; 2) Детские сказки одной деревни: Из наследия Н. Е. Ончукова / Публ. В. И. Ереминой и В. И. Жекулиной // Из истории русской фольклористики. СПб., 1998. Вып. 4/5. С. 565—575; 3) Неизданные сказки из собрания Н. Е. Ончукова: Тавдинские, шоктозерские, самарские / Подгот. текстов В. И. Жекулиной; вступ. ст. и коммент. В. И. Ереминой. СПб., 2000; 4) Ончуков Н. Е. Устная словесность нашего времени / Публ. В. И. Жекулиной // Из истории русской фольклористики. СПб., 2007. Вып. 7. С. 43—54.

ИЗУЧЕНИЕ ФОЛЬКЛОРА

Изучение устного народного творчества переходит нынче, по крайней мере в наших умственных центрах, с плоскости собирательства на плоскость исследования: собранный уже материал приводится путем библиографии в известность и систематизируется, исследуется его происхождение путем сравнительного анализа, выявляется его морфология и приемы творчества и пр(очее).

Собирание памятников народного творчества идет, правда, своим чередом, и это имеет свое оправдание: несмотря на собранный уже огромный материал, частью уже напечатанный, а еще больше хранящийся в рукописном виде по архивам разных ученых обществ, много местностей России плохо обследовано, а то и совершенно не обследовано в отношении наличности в них фольклора.

В Уральской области первые записи сказок, песен, свадебного обряда начали производиться с 50-х годов прошлого века (А. Н. Зырянов), а если принять мнение, что и знаменитый сборник Кириши Данилова уральского происхождения, то и чуть ли не с половины 18-го века. Между тем что мы знаем хотя бы в отношении наличия сказок в округах — Верхотурском, Усольском, Чердынском, Сарапульском и др(угих)? Напечатанные сказки А. Н. Афанасьева в «Пермских ведомостях», «Пермском сборнике», наконец, в «Сборнике великорусских сказок Пермской губ(ернии)» Д. К. Зеленина, конечно, далеко не исчерпывают всего богатства и разнообразия сказок, которое можно предполагать в Уральской области. Поэтому расцветшее пышным цветком краеведческое движение хорошо делает, если в срочном, так сказать пожарном, порядке отрядит часть своих сил на записи сказок в Чердынском, Верхотурском, Верхнекамском и др(угих) округах. Екатеринбургский округ благодаря профессору Д. К. Зеленину, можно сказать, обследован как следует.

Как это ни странно, но наиболее ценный, интересный, правда, и наиболее трудный для записей род произведений устного творчества — сказки — привлекал наименьшее внимание первых фольклористов уральцев и пермяков. Зырянов, Словцов, Кораблев, Шилков и др(угие) или совсем не записывали сказок, или записывали их в ничтожном количестве (Зырянов). Больше: когда собранный билимбаевским крестьянином П. А. Шилковым материал покойный историк Пермского края А. А. Дмитриев приготовлял к печати, то материал сказочного характера — выбросил и не напечатал, как «очень неглубокий по замыслу и не представляющий научного интереса». Довольно много песен, поговорок и пр(очего) было собрано в Уральской области, и только в 1915 г. вышла часть сказок [часть зачеркнуто], записанных проф(ессором) Зелениным в Екатеринбургском уезде.

Скажу несколько слов об изучении сказок в настоящее время. Сказки как ценнейший, интереснейший и быстроисчезающий род устного народного творчества привлекает нынче преимущественное внимание научных кругов. При Государственном Русском географическом обществе давно уже существует «Сказочная комиссия», которая со времени, когда во главе ее встал ценитель и знаток мировой сказки академик С. Ф. Ольденбург, стала проявлять особенно кипучую деятельность и еще в начале мировой войны успела выпустить четыре больших тома русских сказок (Пермские и Вятские пр(офессора) Зеленина и сказки из архива Географического общества А. Н. Смирнова).

В настоящее время за совершенным отсутствием средств комиссия не может печатать сборников сказок, имеющихся в ее распоряжении (Вологодские М. Б. Едемского, Орловские Калинникова, Псковские Козырева и др(угие)), но сосредоточила в своих недрах почти всех ученых фольклористов и собирателей, записывавших и изучающих сказку. Интереснейшие заседания Сказочной комиссии происходят через две недели в кабинете неперменного секретаря Академии наук С. Ф. Ольденбурга, и на них кроме петербургских ученых непременно бывают и все приезжие ученые, интересующиеся сказкой, бывающие в Ленинграде. Комиссия ведет большую работу по библиографии русской сказки, и общими усилиями составляется карточный каталог русской сказки, членами ее читаются интереснейшие докла-

ды информационного и чисто исследовательского характера; за последнее время живущие в Питере ученые-путешественники стали делать доклады о способах передачи сказок разными народностями: индейцами, сибирскими инородцами и пр(очими). Собираательницы сказок и в то же время рассказчицы, известные М. М. Серова, А. Е. Кудряшева и О. Е. Озаровская, иллюстрировали способы рассказывания русских — новгородских и олонечских сказок. Перед Пасхой Сказочная комиссия устроила в Географическом об(щест)ве «Вечер русской сказки», где все эти собираательницы-рассказчицы выступили публично перед большой аудиторией и имели вполне заслуженный шумный успех. Сказка начинает завоевывать общее внимание все больше и больше, и очень часто вечера-концерты включают в свою программу русскую сказку.

Изучение фольклора вообще и русского в частности все более и более завоевывает право гражданства и в учебно-ученом мире. В Ленинградском университете есть даже специальный курс по записи произведений народного творчества, ведшийся сначала академиком Е. Ф. Карским, затем за его отказом переданный пишущему эти строки. При Научно-исследовательском институте сравнительной истории литературы и языков Запада и Востока при Гос(ударственном) университете прошлой осенью образовалась особая секция «Живой старины» — по изучению фольклора, которая при 14 секциях института по составу и по значению равняется по крайней мере одной трети института. Председателем ее избран известный ученый, уралец по происхождению (Сарапульского уезда), проф(ессор) Д. К. Зеленин, а секретарем также уралец по рождению (также сарапулец) доцент университета Н. Е. Ончуков. Но и в этой секции «живой старины» — среди фольклора вообще — изучение сказки заняло преимущественное внимание. За год существования секции сделан ряд докладов учеными-фольклористами по русской сказке, а также по индийской (2) и по египетской (3), продемонстрированы приемы рассказывания русской сказки собираательницами и пр(очее).

Два слова о новшестве в изучении фольклора. Давно уже бродила в головах ученых мысль — посетить те места, где производили записи известные собиратели: Рыбников, Гильфердинг и др(угие), чтобы таким образом не гадательно и априори, а въяве определить, что случилось с русской былиной в Исландии русского эпоса — Олонечкой губернии, что случилось со сказкой там же и пр(очее). И только нынче ряд ученых направились с этими интереснейшими заданиями в разные местности Союза. Так, два московских профессора — братья Соколовы — поехали на места записей былин Гильфердингом, один молодой ученый [А. И. Никифоров зачеркнуто] отправился на места записей сказок академиком Шахматовым и пишущим эти строки; с этой же целью приехал на Урал и я. Когда осенью ученые съедутся и обработают свои записи и наблюдения, результаты научных достижений должны быть глубоко интересны и очень важны для науки.

Еще два слова. Изучение фольклора за границей стоит на должной его значению высоте. Сказка, напр(имер), там изучается в мировом масштабе и существует международный союз, ассоциация фольклористов, которые находятся непрерывно в переписке, всегда делятся всеми научными достижениями и материалами путем извлечений, копий и проч(ее). За границей издается несколько специальных фольклористических журналов в разных странах и на разных языках.

К величайшему сожалению и не к чести нашей, — страна, наиболее богатая еще памятниками устного народного творчества, — Россия наименее обслуживается в этом отношении. Каждый год этнографы, фольклористы делают экскурсии в разные губернии и области России, записывают, готовят к печати и... материалы поступают в засол... И когда они увидят свет, и увидят ли когда — гадательно.

Правда, работы небольшого размера исследовательского характера русских ученых охотно принимают к печатанию в заграничные ученые журналы, и почти ни одной книжки «Славии» и «Цайтшрифта фюр славише филологи» не выходит без работ русских ученых по фольклору. Но все это, разумеется, капля в море. В РСФСР нет ни одного — стыдно сказать — фольклористического журнала. Чисто

этнографические журналы, обнародовавшие в свое время огромнейший и ценнейший материал, давно не существуют. Русское географическое общество — в параличе, за отсутствием средств. Немного лучше обстоит дело в провинции: там кой-где, преимущественно в Сибири и вообще на востоке Союза, издаются журналы по этнографии и фольклору: «Сибирская живая старина» в Иркутске, «Этнографические сборники» в Костроме, «Кунгурско-Красноуфимский край» и еще кой-какие очень тощенькие брошюры в Юрьевце Подольском и пр(очее) — вот и все. Нынче всю зиму много говорили об издании наконец в Москве «Этнографии» и «Фольклориста» — а воз пока и ныне там.

Тем большее значение поэтому приобретают все скромные попытки провинциальных деятелей, с очень большими трудностями пытающихся печатать хотя кой-что из своих научных достижений.

Н. Е. Ончуков